

«Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце... о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим».

Симон, епископ Владимиро-Суздальский

«Кукша. Carrulus infaustus, лесная хищная птица, а также свиристель, арханг., онежск., шенкурск., (Подв.) Вероятно, заимств. из карельск. Kuikso (то же; см. Калима 139 (с литер.), едва ли из коми Kuksa, вопреки Калиме (FUF18, 26); последнее само заимств. из русск. Другие предполагают родство с кукушка, кукукнуть (Бернекер, 1, 639: Горяев, Доп. 2, 21; см. также Соболевский, РФВ 66, 343 и кувшин».

Макс Фасмер. Этимологический словарь
русского языка

Глава первая

ПРЯМОЕЗЖАЯ ДОРОГА РУССКОЙ ИСТОРИИ

В былине князь Владимир спрашивает у Ильи Муромца:

— Ты откуда, добрый молодец, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

— Я из города Мурома, из пригородного села Карачарова, Илья Муромец, — отвечает богатырь.

— Давно ли, добрый молодец, ты выехал из Мурома?

— Ехал я *дорогой прямоезжею*, ехал не долго, не коротко — за утренней молился в селе Карачарове, а обедню у вас стоял.

Слова эти повергли в изумление богатырей, сидевших за столом у князя.

— Уж больно этот детина завирается! — возмутились они. — Разве можно ехать *прямоезжею дорогою*?

Особенно интересен этот эпизод тем, что былина, весьма произвольно меняющая даже исторические персонажи, малозначащую для слушателя XV-XVII веков особенность древнерусской географии фиксирует совершенно точно.

Богатыри, сидящие в былине за столом князя Владимира, абсолютно точно знали, что никакой *прямоезжей* дороги из Мурома в Киев нет, потому что для этого пришлось бы пересечь земли вятичей, а это в X-XII веках считалось невозможным.

Ездили тогда из Мурома в Чернигов и Киев через Смоленск...

1

Как свидетельствует «Повесть временных лет», было два брата — Радим и Вятко. Радим сел на Соже, а Вятко со своим родом — на Оке, «от него же прозвашася вятичи».

Произошло это в VIII-IX веках.

Как свидетельствуют археологические раскопки, граница расселения вятичей проходила по водоразделу Оки и Десны, вдоль долин Угры и Оки она шла вплоть до впадения Москвы в Оку, и вдоль правых притоков уходила на северо-запад до верховьев Москвы-реки, а потом поворачивала на восток по направлению к верховьям Клязьмы...

Селились вятичи в своем лесном краю вдоль берегов озер, рек и речушек, и речные коммуникации, так или иначе связанные с Окой и Волгой, играли важную роль в их жизни. Вятичи вели оживленную торговлю по Оке и Волге и далее по Каспийскому морю.

Видимо, эта окско-волжская водная стихия и отделила вятичей от первоначального, выстраиваемого вокруг Киева древнерусского государства.

Вятичи попали тогда в сферу влияния хазар, и первое знакомство их с киевскими князьями датируется 964 годом.

— Кому вы дань платите? — поинтересовался у них Святослав Игоревич.

— Хазарам по шлягу¹ от рала², — отвечали вятичи.

Деньги не велики были, но князь Святослав Игоревич, готовящийся к грандиозному походу, правильно оценил выгоды географического положения здешних земель, и в следующем году начал свой поход с обходного маневра. Воины Святослава перетасили ладьи из Десны в Оку через вятичские земли и, спустившись на Волгу, начали громить хазар.

Великим полководцем был Святослав Игоревич, и сила его не вмещалась в тогдашние русские просторы. Разрушив хазарскую столицу Итиль на Волге и Семендер в Прикаспии, он посчитал русские дела вполне устроенными.

— Не люблю мне сидеть в Киеве, — объявил он тогда. — Хочу жить в Переяславце на Дунае! Там середина земли моей...

Если расстояние от Переяславца-на-Дунае до Волги перекинуть циркулем в сторону Западной Европы, то окажется, что вся она, до самого последнего моря, вместится в пространство очерченных Святославом Игоревичем интересов.

¹ Шляга — мелкая серебряная хазарская монета, имевшая хождение и в Древней Руси в IX-X вв.

² Плуг.

Однако с обустройством западной половины *своей земли* дела у князя не заладились.

В 972 году подкупленные болгарами печенеги убили его на днепровских порогах, и печенегский хан Курия сделал себе чашу из черепа устроителя великой империи.

Ну, а Русь, лишённая могучей руки Святослава, снова распалась на отдельные княжества.

Двенадцатилетний Ярополк Святославович сел в Киеве, одиннадцатилетний Олег Святославович — в Древлянской земле, Владимир со своим опекуном Добрыней — в Новгороде.

И снова выпала из древнерусского притяжения Вятская земля, которая — ошибся великий Святослав Игоревич! — как раз и была серединой Русской земли...

2

В те далекие годы Русь еще не являлась государством в полном смысле этого слова.

Были поселения. Были города. Были князья с дружинами, совершавшими время от времени набеги на соседние племена...

Иногда князю удавалось создать сильную дружину, и тогда, если улыбалось счастье, он побеждал соседние племена и государства, а иногда, подобно князю Святославу Игоревичу, и завоевывал их, но на Руси ничего не менялось. Смесь родов и племен, плативших дань киевскому князю, объединялась только княжеской силой. И стоило ослабеть князю, как эти племена забывали о Киеве, а иногда и вообще вступали в недружественные киевским князьям союзы.

Так было и в начале правления равноапостольного князя Владимира Святославовича.

Редкими талантами оделил его Господь. Его не тяготили ни государственные заботы, ни суровый походный быт.

И надо сказать, что счастье сопутствовало князю в битвах. Он вернул все, что было потеряно после кончины Святослава Игоревича, в том числе и «вятичи победы и возложи на ня дань от плуга, яко же отец его имал...»

Однако одной только данью дело не ограничилось.

По сообщениям летописи, князь Владимир Святославович переселил с семьями значительное число «лучших мужей» из Вятичской земли в города-крепости, построенные им по рекам Десне, Остру, Суле, Стугне для защиты южных рубежей Руси от печенегов.

И все новые и новые племена и народы покорялись власти князя Владимира...

Дружбы с могучим князем искали и соседние, и далекие от Руси страны. То с севера, то с юга, то с запада, то с востока приходили в Киев посольства. Они приносили князю дары, одни просили князя о помощи и дружбе, другие пытались склонить к своей вере.

Особенно усердствовали хазары...

Еще в 985 году Владимир разгромил Волжскую Булгарию. От окончательного уничтожения болгар спас Добрыня — дядя князя Владимира, который сам вырос в Булгарии и сейчас заступился за сородичей.

— Осмотрел я пленных колодников... — сказал он князю. — Все в сапогах. Нет, такие дани не дадут... Пойдем, в другом месте поищем себе лапотников!

Владимир Святославович не стал спорить с мудрым дядей.

«И сотвори мир с болгары Владимир», — говорит летопись. И принесены были клятвы, и поклялись хазары, что тогда у них не будет с Русью мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть...

Однако, хотя и заключен был мир, хазарские правители понимали, что лучше было бы обратить Русь в свою веру. Надежду на осуществление этого предприятия давало им предположение, что князь Владимир — вспомните о его матери, «вещей де», ключнице Малуше! — единокровен им.

Первыми, как свидетельствует «Повесть временных лет», появились в Киеве хазары, исповедовавшие магометанство. Пришли они на следующий год после похода князя Владимира на Волжскую Булгарию.

Рассказы о пророке Магомете, о рае, наполненном прекрасными гуриями, показались князю Владимиру занятными, но его огорчило, что в мусульманстве запрещено употребление вина.

— Руси есть веселие питье... — сказал князь, прощаясь с послами. — Не можем без того быть.

Неуспех первого посольства не смутил хазар.

Правители хазарского каганата лишь испытывали князя Владимира мусульманской верою, но сами собирались обратить его в иудейство.

Об иудейской вере и пришло рассказать Владимиру второе посольство из Булгарии.

— Мы веруем во единого Бога — Бога отцов наших Авраама, Исаака и Иакова... — говорили они.

— Каков же у вас закон? — спросил князь Владимир.

— Обрезываться... Не есть свинины и зайчатины... Хранить субботу...

— А где земля ваша?

— В Иерусалиме...

— Но вы ведь пришли из Волжской Булгарии!

— Да... — ответили послы. — Бог за грехи отцов наших лишил нас отечества и рассеял по всей земле...

— Как же вы пришли обращать нас в свою веру, будучи отвержены от Бога?! — рассердился князь. — Если бы Бог любил вас и ваш закон, он не расточил бы вас по чужим землям! Ужели такой участи желаете и нам?

Так и не удалась эта хазарская затея, но сами «прения о вере» произвели на князя сильнейшее впечатление.

Ведь он уже давно и напряженно думал об этом...

3

Хотя разрослась и достигла Киевская Русь невиданного доселе могущества, но Владимир ясно понимал, насколько рыхло созданное им государство. Пока оно лишь томилось государственностью, для истории его еще только предстояло разбудить.

Обладая мощным и трезвым государственным умом, Владимир, может быть, первым из русских князей понял, что объединить страну можно только верой, единой для киевлян и новгородцев, вятичей и родимичей, древлян и дреговичей, кривичей и полян, для всех родов и племен, входящих в его княжество.

Как свидетельствуют археологические раскопки, поначалу Владимир пытался превратить в единую государственную религию родное языческое многобожие.

На Священной горе, недалеко от теремного дворца, установили тогда шесть кумиров: Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Семаргла и Мокошу.

Перун почитался как бог войны, и ему поклонялись в первую очередь воины-дружинники. В «специальностях» остальных богов киевляне ориентировались хуже...

Известно было, что Стрибог повелевает ветрами и, вероятно, является богом неба.

Даждьбог почитался как бог света, тепла, плодородия. Но его «обязанности» смыкались с «обязанностями» Хорса — бога солнца.

Семаргл — бог почвы — «заведовал» плодородием.

Мокошь олицетворяла женское начало природы...

Подобная расплывчатость в определении «специальностей» и «служебных обязанностей» участников пантеона, созданного князем Владимиром, не случайна.

Эти боги почитались различными славянскими племенами, и были свезены в Киев князем Владимиром не столько как боги, сколько как представители соответствующих родов и племен, объединенных под властью киевского князя.

По сути, пантеон, устроенный на холме рядом с княжеским теремом, был прообразом нынешнего Совета Федерации. Главной функцией его было представительство родов и племен.

По замыслу князя Владимира, эта единая для всей Руси религия и должна была объединить подвластные племена в единое государство.

Но, хотя и замечателен был этот экуменический замысел, языческий пантеон не сумел исполнить планов князя. Племенные божки, а среди них был и вятичский Стрибог, перепутавшись между собою, окончательно утратили, как любят говорить сейчас, «легитимность» и превратились в народном сознании лишь в обозначение Высших Сил, в «местоблюстителей» Истинного, пока еще неизвестного Бога.

Обитатели пантеона, устроенного князем Владимиром, оказались лишь сновидением народа, тело которого охвачено предгосударственным томлением, а душа — предощущением познания Бога Истинного.

4

Пока жизнь текла по обычному руслу, пока сам князь еще не очнулся от родового сна, он не замечал несовершенства языческого пантеона. Когда ветшали деревянные истуканы, вместо них воздвигались новые. Теперь уже перед ними приносились кровавые жертвы, к ним адресовались моления.

Но вот начались прения о вере с хазарскими посланцами, и все изменилось. Князь Владимир отверг и мусульманство, и иудейство, но с глаз его упала пелена, и он увидел, как далеки от Бога закрепленные в деревянных изваяниях представления славян-язычников.

Летопись сообщает, что полюбилось князю Владимиру слушать рассказы бояр и дружинников о походах и посольствах в Византию, о дивном убранстве тамошних храмов, о красоте и благолепии совершающихся там церковных служб.

Рассказы эти будили в великом князе Владимире воспоминания детства, проведенного в тереме бабушки, великой княгини Ольги.

Мы знаем, что начатки православной веры были привиты князю Владимиру еще тогда. Потом в жестокой борьбе за великокняжеский престол, в бесконечных походах и любовных уладах, впечатления детства стерлись, но сейчас они, будто всплывающие из водных глубин рыбы, снова возникали в памяти. Вот вспыхнула ярким блеском в солнечных лучах рыба чешуя, но тускнеет блеск — в речную глубину уходит рыба...

Может быть, князю Владимиру и не удалось бы самостоятельно вспомнить то, что ему было назначено вспомнить, но тут на помощь пришел Господь, и все устроилось по Божиему промыслу...

И наступил великий для Руси день — 1 августа 988 года...

С утра стекались в этот день на берег Днепра киевляне. Мужчины и женщины, дети и старики, воины и торговцы, ремесленники и земледельцы, бедные и богатые, здоровые и немощные.

И вот в сопровождении собора священников появился великий князь Владимир.

И стихли голоса людей. И в образовавшейся тишине отчетливо прозвучал голос равноапостольного князя: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Призри на новые люди сии и утверди в них веру праву и несовратну, и мне помози, Господи, на супротивного врага, да надеяся на Тя и на Твою державу, побегю козни его!..»

Князь взмахнул рукою и, повинувшись этому знаку, киевляне двинулись в воды Днепра. Взрослые держали на руках младенцев, сильные поддерживали немощных.

Священники читали молитвы.

Ярко светило солнце. В тот день, как свидетельствует летопись, «небо и земля ликовали».

Повторим, что до Крещения, по сути, не было никакой Руси.

Была смесь родов и племен, объединенных властью князя Владимира, и только сейчас, в водах Днепра, рождалось Русское государство.

Первое августа 988 года — не просто великая дата в истории Руси.

Это дата начала нашей истории... И не язычество, а христианство разбудило Русь для истории, и именно это и определило место православия в нашей стране.

Оно для России не просто конфессия.

Православие для нас — государствообразующая сила.

Православие сформировало язык нашего народа и его национальный характер, православие определило законы нашего государства и его культуру.

И так и выстраивалась святыми князьями Русь, что совпадали пути спасения русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства.

И это еще раз свидетельствует, что равноапостольный князь Владимир, как и подобает мудрому государственному мужу, угадал устремление народной души, правильно определил стратегию духовного развития русского человека...

После крещения Русь становится государством, и меняется теперь и сам характер войн, которые ведет великий князь. Если раньше он ходил в походы только ради добычи, то теперь воюет за упрочение княжества, прокладывает *прямые дороги* внутри своего государства, карает племена, пытающиеся отъединиться от Киева, ведет войны с печенегами и половцами, обороняя всю Киевскую Русь.

Но далеко не все славянские племена — «Путьята крестил Новгород огнем, а Добрыня — мечом» — добровольно принимали христианство.

Так произошло, к примеру, в том же Муроме, который равноапостольный князь Владимир отдал в удел своему младшему сыну Глебу.

«И егда прииде святыи Глеб ко граду Мурому, и еще тогда невернии быша людие и жестоцы, и не прияша его к себе на княжение и не крестися, но сопротивляхуся ему», — утверждает летопись.

Считается, что свой двор князь Глеб Владимирович разместил вне стен древнего Мурома, там, где стоит сейчас Спасский монастырь, называвшийся раньше «Спасским на бору».

Не приняли православия и вятичи.

Когда в 1015 году Святополк Окаянный сообщил, что при смерти лежит великий князь Владимир, — «Не медли, Глеб! — писал Святополк. — Приезжай проститься с отцом», — муромскому князю пришлось ехать в Киев не *прямоезжей дорогой*, а через Смоленск.

Возле Смоленска и нагнал его посланный из Новгорода гонец Ярослава.

«Не ходи, брате! — предостерегал Ярослав. — Отец твой умер, а брат убит Ярополком».

Как гром с неба, поразила Глеба присланная Ярославом весть. Одиноко стало ему в земной жизни.

— О, любимый Борисе! — плакал Глеб. — Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О, милый мой брат! Если твои молитвы доходят до Господа, помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение воспринять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете!

Одна православная жизнь была у братьев, и хотелось Глебу, чтобы и смерть была одна...

И так и случилось, как просил он в молитве. Еще плакал он, когда подоспели посланцы Святополка. Случилось это 5 сентября 1015 года в устье Смядины.

«Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! — говорил Глеб. — Какую обиду нанес я брату моему? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюся на вашу милость».

Но не слабостью и не малодушием страстотерпца была продиктована эта мольба. Умоляя своих убийц, не о себе молил Глеб, а умолял их не погубить собственных душ. И только видя, что ни единое слово не устыдило убийц, он отставил свои просьбы.

— Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой, и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! — сказал он. — Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно.

«И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, — говорит Житие. — И поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили».

Словно невинному агнцу, перерезал князю Глебу горло его подкупленный Святополком повар Торчин...

«Се несть убийство, — говорит Житие, — но сырорезание»...

Страшное убийство случилось в стороне от *прямоезжего пути*.

Произошло оно по Божией воле, но ведь и *прямоезжего пути* на Киев из Мурома не было тоже по Божией воле.

В 1092 году жителей Мурома крестил князь Константин, хотя и пришлось ему заплатить жизнью своего сына, чтобы войти в Муром.

Долго проповедовал Константин в городе, пока толпа язычников не подступила к его дому, чтобы убить князя. Святой Константин с сыном Феодором и княгиней Ириной вышел к язычникам с иконой Пресвятой Богородицы (названной впоследствии *Муромской*). Он поднял святой образ над головой, и тут неземное сияние разлилось от иконы.

«И тако крестися вся люди града Муромо во имя Отца и Сына и Святого Духа, радующеся и славяще Бога»... — записал летописец.

А сколько еще мучеников требовалось, чтобы утвердить на Руси *прямоезжий путь?!*

Когда мы очерчивали границы земель вятичей по берегам рек, названий которых кроме Оки и Волги и не слышал неискушенный в географии читатель, не слишком-то и понятно было, почему так упорно, искореняя языческие силы, шли сюда за своими мученическими венцами русские князья.

Но если забежать на десятилетия и столетия вперед, мы увидим по берегам этих рек Москву и Рязань, Воронеж и Тулу, Орел и Липецк — города, без которых невозможно представить русскую державу.

Писатель Дмитрий Балашов в книге «Святая Русь» сказал о земля вятичей, что «эта древняя и прекрасная страна не исчезла — она постоянно присутствует рядом с нами, нужно только уметь ее разглядеть» и попытался «начертить» ее карту...

«В Орловской области это города Мценск на реке Зуше, Болхов на Нугре и Белев на берегу Оки.

Первый из названных городов... ровесник Москвы и упоминается в летописях под тем же 1147 годом. Рядом с современным Мценском — несколько древних городищ. По руинам их названий не узнать, но можно много понять из летописей. Эти селения назывались: Домагощ и Спасен (или, по-старинному, Спащ). Интересно название Домагощ — это не только «гость в доме», а место, где обитает дух предка, истинный хозяин дома. Он же — домовый дух, или доможир. В более широком понимании — селение, где все свои, все — домашние, родные.

Ниже устья реки Зуши с левой стороны в Оку впадает река Нугрь. В долине Нугри, прямо на обрыве левого берега, стоит и поныне один из наших древнейших городов Орловской области — Болхов. Летописцы о нем упоминали еще в 1206 году...

Ниже устья реки Нугри, на мысу левого берега Оки, стоит еще один ровесник Москвы — бывший черниговский, а ныне тульский город Белев.

Поспешим дальше — в Вятчий Ополе, где стоят удивительные города: Мосальск, Мещовск и овеянный героической славой Козельск. В 1231 году Мосальск еще входил в Черниговское княжество, а позже стал столицей собственного, Мосальского княжества. И доигралась в самостоятельность микростолица, как и другие города этого края, оказалась под властью Литвы, пока их не освободил Иван Грозный. Но и после этого легче не стало: триста лет Мосальск городом никто не считал, а когда, наконец, признали его таковым, то превратили в большой оптовый склад для зерна, пеньки и растительного масла. Обидно для древнего русского города, бывшей столицы удельного княжества.

Неподалеку от Мосальска еще один древний город, Мещовск, известный с XIII века. Вблизи него — Мещовское городище, где люди жили с IV века. С X—XIII веков Моштин славился своими металлургами и ювелирами. Как мы об этом узнали? Конечно, по найденному кладу, прославившему Моштин. Это поразительные по красоте украшения с эмалью. Их закопали в 1238 году, спасая от приближающихся монголов. Но забрать не смогли. Нетрудно понять, что хозяева погибли.

Казалось бы, какие-то там монголы! Ну, какую угрозу они могли представлять для Руси? Ответим, что в древности здесь всюду было множество городов, о которых ныне помнят только историки. Кто, скажите, вспомнит сегодня Брынь, Серенск, Серпейск, Людимеск или Воротынск? А Перемышль? Это всего лишь село в Калужской области. А ведь люди здесь жили со времен мезолита — среднего ка-

менного века. Да и города Вязьма и Таруса — сейчас не самые крупные. Вязьма в VIII–XI веках — крупный торговый центр. Она была сначала пограничным городом между владениями кривичей и вятичей, а затем связывала в единую торговую сеть города Черниговского и Смоленского княжеств. Таруса — нынешний заповедник искусства — также была черниговским владением.

И в завершение рассказа о Вятичском Ополье скажем, наконец, и о Козельске. Может, он так и канул бы в прошлое, как многие его соседи, если бы не героическая оборона горожан, описанная даже в школьных учебниках.

И, может быть, не случайно в двух километрах от возрожденного Козельска появилась Оптина пустынь»...

Вглядываясь в эту карту, начерченную Дмитрием Балашовым, и понимая, что православие не только формировало язык нашего народа и его национальный характер, не только определяло законы нашего государства и нашу культуру, оно формировало и саму нашу историю.

Так выстраивалась святыми князьями Русь, что совпадали пути спасения и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства.

И ради устройства этого *прямоезжего пути* не жалко было никаких сил...

Глава вторая

АПОСТОЛЬСКАЯ ШКОЛА

«А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску»...

Так начинается рассказ о своей жизни князь Владимир Мономах, которого изустные предания (былины) часто объединяют с Равноапостольным Владимиром.

«Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров...

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом; в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве».

1

Бесконечен этот список военных трудов русского князя.

Не просто пробираться сквозь вереницу походов и сражений, следующих друг за другом без какого-либо затора. Должно быть, поэтому и перенесен список во вторую часть «Поучения Владимира Мономаха», а начинается оно словами любви и покаяния:

«Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, — это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?.. Уповай на Бога, ибо верю в него»...

И, омытые слезами сокрушения, очищенные светом Божией любви, вдруг раздвигаются суровые глаголы войны: «пожег землю и повоевал ее, взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили», «ходили к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины», «пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали», «на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа!» — и в бесконечное перечисление сражений вторгается смиренномудрое повествование о прекращении бра-тоубийственной войны:

«Олег на меня пришел со всеми половцами землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог. Сжалился я христианскими душами и селами горящими и монастырями и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля».

Читаешь это и понимаешь, что именно в таком озарении смиренномудрия, в таком высоком состоянии пребывания в Божией любви и могли родиться мудрые слова «Почтения Владимира Мономаха», призывавшего: «...Иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу выис, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет...»

К этому призывал Владимир Мономах и сам следовал своему призыву, как и полагается великому князю.

«Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал... Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал...»

Перечисление больших и малых боевых походов Владимира Мономаха, сумевшего в последний раз перед татаро-монгольским нашествием объединить все древнерусские земли, достаточно велико. И есть здесь упоминание и о ставших традиционными для русских князей походах на вятичей: «А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму».

И хотя и немногословен тут автор, но впервые приводятся в его известии конкретные сведения о племени, которое вот уже несколько столетий старались подчинить себе русские князья.

До сих пор вятичи пропадали в равнодушном небрежении, делающем их неразличимыми среди других «отсталых» племен: «А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сводились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены...»

Теперь же вятичи словно бы проступают из таинственных слухов и поверий, возникают в более или менее конкретных и реальных очертаниях. «Поучение Владимира Мономаха» называется по имени вятичского князя — Ходота, упоминает загадочный город Корьдно³...

И получается, что косвенно эти подробности подтверждают предание, связывающее апостола вятичей Кукшу именно с походами Владимира Мономаха.

Наверное, предположение, что Кукша мог быть младшим сыном или внуком самого Ходота и был взят в качестве заложника, не лишено смысла.

Существует предание, что вятичский предводитель Ходот и вся верхушка племени была уничтожена Владимиром Мономахом, когда зимой они вышли из партизанских чащоб и устроились на зимовку в городе, полагая, что Владимир Мономах уже покинул их земли...

Вполне можно предположить, что, одержав решительную победу, Владимир Мономах вспомнил, как легко уплывала эта земля из княжеств, построенных Святославом Игоревичем и равноапостольным князем Владимиром, и тогда и посетила его мысль вырастить Кукшу в православной вере, чтобы, повзрослев, он сумел нести эту веру до своих единоплемеников...

И в принципе, не так уж и важно, что все эти рассуждения не подкреплены фактами.

Ведь совершенно не важно: в угрюмой лесной чащобе, где затерялся легендарный город Корьдно, или на светлом берегу Оки произошла встреча Владимира Мономаха и вятского мальчика Кукши...

Не важно и то, к какой семье принадлежал Кукша...

Важно, что погруженный в молитву князь — «О, Владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего в ничтожной этой жизни!» — остановил свой взгляд на мальчишке, похожем на выпавшего из гнезда птенца.

«Научись, верующий человек, быть благочестием свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех, — повторял Владимир Мономах. — Из-

³ Некоторые историки полагают, что он находился в окрестностях современного села Карники Веневского района Тульской области.

бавляйте обижаемого, ставьте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит Господь»...

И эти чистые, молитвенные помыслы объяли Кукшу.

Нелепо утверждать, будто Владимир Мономах прозревал тогда, что этому, по-хожему на озябшего птенца, ребенку предстоит проложить для своей земли *прямоезжий путь* православия...

И не нужно делать это, ведь «говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а, поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей»...

Памятуя этот завет, скажем только, что по приказу князя отвезли Кукшу в Киево-Печерский монастырь, и здесь приняли его иноки в свое заботливое смотрение.

А Владимиру Мономаху — «на войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает» — предстояло продолжать свой долгий и многотрудный княжеский путь.

И он продолжил его...

«В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-чичеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и союз великий заключили.

И весной посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Сулой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город...

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отцами при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю...»

Долог, бесконечно долог этот список боевых походов и государственных трудов князя, в последний раз перед татаро-монгольским нашествием собравшего воедино Киевскую Русь...

Где тут было помнить о мелькнувшем на дороге войны мальчишке...

3

Существуют и другие версии биографии Кукши.

Некоторые исследователи полагают, что само языческое имя преподобного является плодом позднейших искажений и толкований, а изначально, как записано в Арсеньевской редакции Киево-Печерского патерика, оно произносилось, как *Купша*, и являлось сокращением церковного имени Киприан, звучащем порою в русском произношении, как Куприан.

Развивая эту остроумную аргументацию, исследователи вспоминают о прине-

сении перста святого Иоанна Крестителя из Царьграда при князе Владимире Мономахе, который «положен бысть в церкви святого Иоана на Сетомли, у Купшина монастыря», и делают вывод, что Кукша, то бишь Купша, и был игуменом этого киевского монастыря.

Однако вся эта филологическая игра входит в разительное противоречие со словами — «Брат наш Кукша в этот день убит!» — блаженного Пимена-постника, запечатленными в Киево-Печерском патерике, единственном признаваемом всеми в своей достоверности свидетельством.

И можно тут рассуждать, что инок Киево-Печерской лавры блаженный Пимен именно игумена Купшина монастыря и именует «нашим братом», но нескладности эти рассуждения не снимают.

Впрочем, как сказано в «Житии преподобных отец наших Кукши священномученика и Пимена постника», помещенном в Киево-Печерском патерике: «Не надо говорить и рассказывать много там, где ясно свидетельствуют дела.

Так и об этих блаженных...»

Так и мы не будем сомневаться в том, что засвидетельствовано жизнями и молитвами святых киево-печерских старцев.

4

«Кто постигнет милосердие Божье! Вот ведь не избрал Он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя Господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О, тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие божие! Сперва место указав и благословив, создал Бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец, пока Он им пастуха не избрал», — так начинает Нестор-летописец составленное им житие преподобного Феодосия Печерского.

Преподобный Феодосий пришел в пещеру на Берестовой горе в 1032 году, и это при нем церковью во имя Успения Пресвятой Богородицы вышел Киево-Печерский монастырь из пещер на поверхность... Ну, а сам преподобный Феодосий, носивший ветхое рубище, которое «сияло на нем, как честная багряница царская», по-прежнему затворялся на весь Великий пост в пещере, и даже дверь его снаружи засыпали землей.

«Был же он поистине человек Божий, — говорит Нестор, — светило всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах... Однажды... не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров, сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду»...

Скончался преподобный Феодосий в 1074 году, и Кукша уже не застал его на Берестовой горе, но живы были сподвижники и ученики преподобного, сами сиявшие лучами святости, и в их дивном свете и возрастал мальчик.

Рядом с ним подвизались «безмездный лечец» Агапит и сын черниговского князя Давида Святославича, первый князь-инок Никола Святоша: в соседних кельях трудились автор «Повести временных лет» Нестор-летописец и первый русский иконописец Алипий (Алимпий)...

Точно так же, как летописец Нестор, который, создавая по поручению Владимира Мономаха в 1116–1117 годах вторую редакцию «Повести временных лет»⁴, закутывал в молитву каждое слово своих великих трудов, так и иконник Алипий не столько красками писал образа, сколько создавал их силой своей молитвы.

Может быть, это уже при Кукше пришел в монастырь заболевший проказой богатый киевлянин... Ни у волхвов, ни у врачей не нашел он помощи, и ему посоветовали умыть лицо из колодца святого Феодосия.

Прокаженный так и сделал, но исцеления не случилось, напротив все лицо несчастного залило гноем, так что его стали избегать даже близкие из-за исходящего от него смрада.

И тогда человек этот покаялся иконнику Алипию, что без веры пришел он к святым Антонию и Феодосию.

— Чадо! — сказал ему Алипий. — Хорошо ты сделал, исповедав Богу грехи свои...

После этого взял вапницу⁵ Алипий и замазал гнойные струпья на лице больно-го, а потом привел его в церковь, дал причаститься Святых тайн и велел умыться водой, которой умываются священники.

И тотчас спали струпья, и больной исцелился...

И может быть Кукша сам был свидетелем пожара, что произошел тогда в монастырской пекарне. Преподобный Спиридон, работавший в просфорне, мантией своей закрыл устье печи, а потом, завязавши рукава у своей рубахи, побежал с нею к колодцу и, наполнив ее водой, устремился назад. Прибежавший на крики иноков Кукша сам видел, что вода не вытекала из рубахи преподобного Спиридона, и он благополучно дотащил ее до пекарни и залил разгоревшееся пламя.

Этот Спиридон был простецом, в монастырь пришел из села, и какой бы работой он ни занимался — дрова ли колод, тесто ли месил — всегда читал Псалтирь, которую знал наизусть...

Подвизаясь в Киево-Печерском монастыре, Кукша видел рядом с собою все: и летописцев, воплощавших в себе книжную премудрость, и иконописцев, способных красками донести свою молитву до Престола Божиего, и ту обращенную к Богу простоту, которая способна творить чудеса, нисколько не удивляясь им.

Главное же, как справедливо отметил А.Ю. Карпов: «Одни и те же молитвы возносились ими к Богу в «Великой» Печерской церкви; одни и те же идеи, витавшие в русском христианском обществе, давали им пищу для размышления и духовного подвига. Едва ли не самой актуальной для образованных русских людей в XI–XII веках становилась идея особой избранности Руси, «в последние времена» пришедшей к Богу. Лишь недавно крестившаяся Русь, подобно «работникам одиннадцатого часа»... претендовала на то же воздаяние, что и народы, ранее пришедшие к христианству. Более того, буквально принимая евангельскую заповедь: «Будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20: 16), русские книжники не сомневались в том, что Господь, вспомнив о них и приблизив их к Себе именно «в последние времена», проявил тем самым особую заботу о своей русской пастве... Распространение христианской веры «от края и до края» Русской земли завершением всей мировой истории... И можно полагать, что именно эта идея, а вместе с ней и глубокое осознание своей личной ответственности перед Богом за судьбы мира влекли православных миссионеров в области, населенные язычниками, в самые отдаленные уголки Русской земли...»

⁴ Именно эта редакция летописи дошла до наших дней.

⁵ Ва п н и ца — красящее вещество, представляет собой купорос или отмученную мелкозернистую глину.

Исполненной высокого символического значения представляется нам встреча Кукши с Ильей Муромцем, которого израненным, должно быть, в те самые годы привезли в Киево-Печерский монастырь...

Тут нужно сразу сделать уточнение.

Русские былины обычно сдвигают время жизни богатыря на правление равноапостольного князя Владимира, однако археологические изыскания с достаточно большой определенностью датируют годы его жизни правлением Владимира Мономаха.

В Муроме и сейчас могут показать дом номер 279 по Приокской улице, на месте которого стояла изба, где тридцать лет лежал на печи, и ни рукой, ни ногой не шевелил, былинный богатырь Илья.

Впрочем, лежал на печи Илья Муромец не из-за лени, как утверждают насмешники, а из-за болезни. И росту Илья богатырского был, и умом светел, и глазом зорек, а ноги его не держали.

Любопытно, что строгое научное объяснение этому загадочному факту дала в 1988 году Межведомственная комиссия Минздрава УССР, которая провела экспертизу мощей святого Ильи Муромца. При осмотре мощей были выявлены дефекты позвоночника, свидетельствующие, что в юности святой перенес паралич конечностей.

Ну, а излечение богатыря довольно подробно описано в самой былине.

Однажды, когда родители ушли в лес готовить поле под пахоту, подошли к избе калики перехожие⁶.

Постояли у ворот, постучали железным кольцом и сказали:

— Ай же ты, Илья Муромец, крестьянский сын! Отворяй каликам ворота широкия, пусти-ка калик к себе в дом.

— Злые шутки вы, странники, шутите... — ответил им с печи Илья Муромец. — Тридцать лет я на печи сиднем сижу, встать не могу.

Опять говорят калики перехожие:

— Выставай-ка, Илья, на резвы ноги, отворяй-ка ворота широкия, пускай-ка калик к себе в дом.

Рассердился Илья Муромец, забыл о своей болезни, спрыгнул с печи, а ноги-то, оказывается, не подогнулись, выдержали его.

Обрадовался Илья, отворил ворота широкие и пустил калик в дом.

Зашли калики, поднесли Илье Муромцу чарочку питьица медвяного.

«Как выпил-то чару, богатырско его сердце разгорелось, его белое тело распотелось, почувал в себе Илья силу богатырскую...»

Так и началось его богатырское служение.

Положил он «на коня потнички, а на потнички — войлочные, а потом седло черкасское с двенадцатью подпругами шелковыми, а с тринадцатой — железной не для красоты, а для крепости.

Захотелось на прощание Илье свою силу попробовать.

Подъехал он к Оке-реке, уперся плечом в высокую гору, что на берегу была, и свалил ее в реку. Завалила гора русло, потекла Ока по-новому.

Взял тогда Илья хлебка ржаного корочку, опустил ее в реку, сам приговаривал:

— А спасибо тебе, матушка Ока-река, что поила, что кормила Илью Муромца.

Еще взял богатырь с собой малую горсточку родной земли, вскочил на коня и взмахнул плеточкой...

⁶ В одном из вариантов былины это был Христос с двумя апостолами.

«Видели люди, как вскоки на коня Илья, да не видели, куда поскакал.

Только пыль по полю столбом поднялась».

А из-под копыт коня богатырского родники забили.

Стал Илья Муромец богатырем, каких еще не бывало.

Сила его превосходила согласно былине все возможные и невозможные для человека пределы. Палица Ильи Муромца весила 90 пудов, то есть полторы тонны.

Не удивительно, что когда взмахивал Илья своей палицей, просторно становилось вокруг: раз взмахнет — «ляжет улица, другой раз махнет — переулочек».

Однако если отвлечься от присущих устному народному творчеству усилителей образов, то окажется, что события былин довольно точно вписываются в канву известных нам событий правления Владимира Мономаха.

Хотя былины и обходят вопрос о превращении крестьянина Ильи в профессионального воина, но очевидно, что для этого требовались чрезвычайные обстоятельства.

И так и было на самом деле.

Тогда, в 1093 году, произошло крупное нашествие половцев. Великий князь Святополк Изяславич и Владимир Мономах были разбиты на реке Стугне, а князь Ростислав, брат Владимира Мономаха, утонул в реке. Половцы прошли тогда по Южной Руси, опустошая ее. Оставшихся в живых жителей они уводили в плен; города и села опустели; нивы зарастали, и там селились звери.

После нового поражения Святополка на реке Желань, князь был вынужден заключить с ними мир, взяв в жены дочь половецкого князя Тугоркана.

Но на этом несчастья не кончились.

На следующий год князь Тмутараканский Олег Святославич снова навел на Русь половцев и теперь уже приступил к Чернигову, где княжил Владимир Всеволодович Мономах.

Мономах вынужден был собирать ополчение, в которое, видимо, и вступил почувывший в себе богатырскую силу крестьянский сын Илья Муромец — Муром входил тогда в состав Черниговского княжества.

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно...
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть...

Однако «перетоптать» всех половцев Илье Муромцу не удалось, и князь Владимир Мономах, как и написано в его «Поучении», вынужден был уйти княжить в Переяславль.

Новый черниговский князь Олег Святославич был не чужим в Чернигове. По завещанию Ярослава Мудрого этот город принадлежал его отцу, и сейчас многие бояре и воины охотно присягнули ему, но Илья Муромец Олега Святославовича не знал, поэтому и ушел он с Владимиром Мономахом в Переяславль, где стал теперь уже полноправным дружинником князя.

Двадцать лет служил Илья Муромец у Владимира Мономаха, который после уничтожения половецкого хана Итларя — Идолища, как его именуют былины, сумел объединить русские княжества в единый союз для борьбы с половцами.

Илья Муромец участвовал во многих боях и походах и долгое время возглавлял станицу или, как ее называют былины, «богатырскую заставу».

В 1113 году умер Святополк Изяславич, и Владимир Мономах стал великим князем в Киеве. Илья Муромец помогал ему взойти на великокняжеский престол, однако награды за свою помощь не получил.

Более того, как утверждает былина, он даже попал у князя Владимира Мономаха в опалу.

А к стольному князю ко Владимиру
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего, да лучшего богатыря,
А старого казака Илью Муромца.

Почему Владимир Мономах поступил так, былина умалчивает, но перенести такую обиду Илья Муромец не смог...

А тут-то Илья да раззадорился,
А тут-то Илья да разретивился.
Как скоро натянул он свой тугой лук,
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенька раздумался:
«А что мне, молодцу, будет поделати?
А я нынь, молодец, есть разгневанный,
А я нынь, молодец, есть раздраженный!»

Некоторые исследователи полагают, что и опала Илья Муромца, и бесчинства, учиненные богатырем, были инспирированы самим Владимиром Мономахом, чтобы побыстрее укрепиться в Киеве. Ведь когда описанная в былине «гульба» достигла апогея, все зажиточные киевляне кинулись к новому князю за защитой.

Тогда и осужден был Илья Муромец на заточение.

Попрощался он со своим любимым конем и позволил увести себя в подземелье.

Впрочем, там он пробыл недолго. Новое нашествие обрушилось на Киевскую Русь, и пришлось Владимиру Мономаху возвратить богатыря на прежнюю службу.

Как утверждает былина, Илья Муромец и на этот раз отстоял страну от неприятеля, но более уже не возвращался к князю, принял иноческий сан в Киево-Печерской обители, где и провел последние годы жизни.

Забегая вперед, скажем, что когда Илья Муромец умер, его похоронили не в монастыре, а в главном храме Киева.

Как утверждал посланник римского императора Эрих Лассота, посетивший Киев в 1594 году, гробница Илья Муромца находилась в богатырском приделе Софийского собора. То, что рядовому иноку была оказана честь, которой удоставались лишь великие князья, свидетельствует об особых заслугах богатыря-инюка.

В чем заключались они, открылось через пятьсот лет, когда, вскрыв могилу Илья Муромца, обнаружили, что тело богатыря не рассыпалось в прах, а осталось нетленным и источает благоухание.

«Тут же видехом храброго воина Илию Муромца, в нетлении, под покровом златым, — писал в 1701 году паломник, видевший нетленные мощи инока-богатыря в Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря, — ростом яко нынешних крупных людей, рука у него левая пробита копием, язва вся знать на руке...»

А в 1988 году Межведомственной комиссией Минздрава УССР было установлено, что причиной смерти богатыря-святого стала обширная рана в области сердца.

Благодаря этим исследованиям, теперь с определенностью можно утверждать, что скончался инок Илия в схватке, в которую он вступил невооруженным. Вероятно, инок пытался отбить рукою удар копья, и копьё, пронзив руку, и нанесло смертельную рану в грудь.

Можно предположить, что защищал невооруженный богатырь-инок монастырские святыни и как-то ценой собственной жизни сумел защитить их, коли были

ему оказаны при погребении такие почести, но все же более вероятно, что раны были получены им в битве, и именно с этими ранами и был доставлен богатырь в Киево-Печерский монастырь.

И, конечно, его не мог не увидеть инок Кукша...

6

Как известно, 2 мая 1115 года в Киеве происходило торжественное перенесение святых мощей мучеников князей Бориса и Глеба из старой деревянной церкви в новый каменный храм.

Ко дню этого торжества в Киев, кроме Олега Святославича Северского, в его княжество входила теперь вятичская земля, прибыл брат его Давид Святославич Черниговский и владыка Феоктист, епископ Черниговский.

Рассказывают, что народа было столько, что невозможно было подвезти к церкви тела Бориса и Глеба. Тогда Владимир Мономах распорядился кидать в толпу куски дорогой материи, беличьей шкурки и серебряные монеты, чтоб очистить путь...

Возможно, именно тогда, когда спорили в церкви князя, в каком месте поместить мощи святых, Кукша и принял решение взять на себя подвиг проповеди веры Христовой среди своих соплеменников-вятичей.

Когда мы говорили о высоком символическом значении встречи в Киево-Печерском монастыре Ильи Муромца и Кукши, имелось в виду, что это встреча человека, уже завершающего *свой прямоезжий путь*, с путником, которому по *своему прямоезjemu пути* только еще предстоит пройти.

А и ты, славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;

А и по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал.
Как у той ли-то у Грязи у Черной,
Да у той ли у березы у покляпяя,
Да у той ли речки у Смородины...

Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник, Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,

И от того ли-то от посвисту соловьего,
И от того ли-то от покрику звериного,
То все травушки-муравы улетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земле вси приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат...

Так описывает былина Путь, который предстояло пройти Илье Муромцу.

Девяностопудовой палицей прорубал Илья Муромец этот Путь.

У святого Кукши, который самым своим происхождением был связан с вятичской землей, ни меча, ни палицы не было.

Да и Путь он должен был проложить совсем другой, тот Путь, о котором говорил Спаситель: «Я есть путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»⁷.

А такой Путь прокладывается только крестом...

⁷ Евангелие от Иоанна 14:6.

И снова, отвлекаясь от конкретной судьбы святого Кукши, восхищаешься красотой Божиего Замысла о судьбе нашей страны.

1113–1125 годы — годы великого княжения Владимира Мономаха. Это годы, когда в последний раз удается собрать воедино Киевскую Русь.

Дальше опять начинается бесконечная междоусобица, и чуть больше столетия остается до великого испытания — татаро-монгольского нашествия, которое захлестнет нашу страну.

Сумела бы она выдержать его, если бы православие не распространилось к тому времени по всем ее уголкам?

Наверное, нет...

В XI–XII веках и не слыхивали на Руси ни о каких татарах, но именно тогда, словно бы спеша использовать последнюю передышку, дарованную нашей стране Богом, завершается начатое равноапостольным князем Владимиром крещение нашей страны.

Именно тогда, проповедуя мерянам истинного Бога, уничтожает преподобный Авраамий, будущий основатель Ростовского Богоявленского монастыря, языческого Велеса, которому открыто поклонялись местные жители. Тогда же совершает свой подвиг в Муроме князь Константин Муромский и его сыновья, тогда же начинает свою проповедь святитель Леонтий, епископ Ростовский, а после его кончины — святитель Исаия.

Следом за ним отправляется к вятичам и святой Кукша. Чуть позже его уйдет в глухие вологодские леса из Киева пострижник преподобный Герасим, будущий основатель Вологодского Троицкого монастыря.

Знал ли великий князь Владимир Мономах о принятой им на себя миссии? Вспомнил ли он похорожего на выпавшего из гнезда мальчика, которого подобрал в своем давнем походе в вятичскую землю? Порадовался ли, что взошло семя, попавшее в добрую землю?

Мы не знаем этого.

Но читаешь поучения севшего в смертные сани князя и кажется, что читаешь Кукше в дорогу и написанное наставление.

«Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на несколько дней... Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь... Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели... На заутрени воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет Твой дивный!» И еще: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаяться, исправил жизнь свою...»

Впрочем, это ведь всем нам написано.

Глава третья АПОСТОЛЬСКИЙ ПУТЬ

В Тульской, Орловской, Калужской, Московской и Рязанской областях и сейчас еще кое-где можно обнаружить курганные группы. Эти практически неразличимые обыкновенным взглядом остатки древних языческих кладбищ хранят непосредственные свидетельства существовавшей здесь культуры.

Провожая в последний путь своих соплеменников, вятичи обыкновенно сжига-

ли их тела, а обгоревшие кости помещали в глиняные урны. Дошедшие до наших дней останки позволили М.М. Герасимову создать портрет-реконструкцию вятичской женщины. Помимо красоты, знаменитый антрополог сумел передать ощущение необыкновенной свободы, которое исходит от самого облика его героини.

Как явствует из материалов археологических раскопок, вятичи занимались охотой, бортичеством и рыболовством, разводили крупный рогатый скот, свиней, лошадей. Переноса по мере истощения пашен свои селения на другое место, где снова выжигался лес и где земля начинала давать хороший урожай, занимались они и полукочевым земледелием, которое составляло основу их хозяйства.

Жили вятичи в бревенчатых избах с маленькими окошечками, которые во время холодов наглухо закрывали задвижками.

Вообще при раскопках обнаруживаются остатки достаточно высокой материальной культуры, и это позволяет исследователям называть вятичский курганный погребальный обряд лебединой песней славянского язычества.

Браслеты, перстни, височные кольца, крестики, амулеты, извлекаемые из этих захоронений, не только свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития ремесел, и в том числе ювелирного дела, но и несут на себе следы заклинательных символов, вводящих исследователей в мир славянской древности.

1

Как мы уже говорили, более других языческих богов вятичи почитали Стрибога, который был рожден, подобно Семарглу, из искр, что вспыхивали, когда Сварог бил молотом о предвечный камень Алатырь⁸.

Наши знания о языческом пантеоне сохранились лишь в виде обрывков, зачастую не связанных между собою, и понять, почему проживающие в лесных чащобах племена отдавали первенство божеству, повелевающему ветрами, не просто.

Возможно, состояние атмосферы и движение туч представлялось вятичам более важным фактором в их хозяйственной деятельности, нежели сами дожди и грозы. Однако, похоже, что они наделяли своего Стрибога еще и другими способностями.

Стрибог — вятичи представляли его седовласым могучим стариком в лазурных одеждах, живущим на краю света — играл ключевую роль в той сложной системе связей, объединяющей человека и природу, что и составляла основу местного язычества...

Вообще же существенное место в местных поверьях занимали духи лесов, полей и вод... В лесах у вятичей хозяйничал леший — существо дикого вида, стремящееся завести человека в непроходимое болото или лесную чащобу, ну, а на дне рек и озер жил у них нагой косматый старик, хозяин вод и болот. Он был повелителем русалок, которые, выходя лунной ночью из воды, манили людей своим пением и чарами.

Однако, перечисляя эти традиционные для языческой мифологии существа, следует отметить, что у вятичей они существовали в противопоставлении высшим языческим божествам, которые и преследовали местных леших и водяных, зачастую помогая при этом людям. Об этом свидетельствовали, например, разорванные молниями деревья, в которых прятались провинившиеся лешие.

Тут, между прочим, возникает явная перекличка с подвигом Ильи Муромца, который одолел на реке Смородинной сидящего на дубах Соловья-Разбойника. И что с того, что былинный богатырь прокладывал *прямоезжий путь*, а языческие

⁸ По другой версии, Стрибог появился из дыхания Рода. Он был одним из шести (Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл, Мокоша) кумиров, установленных князем Владимиром на Священной горе в Киеве недалеко от теремного дворца.

боги еще глубже вовлекали вятичей в дебри язычества? Разглядеть это было не просто, и удавалось далеко не всем...

И тут можно задуматься, почему наши знания о славянском языческом пантеоне сохранились лишь в виде зачастую не связанных между собою обрывков? Можно, конечно, объяснить это традиционным славянским беспамятством, но разумнее все-таки предположить, что смутные воспоминания славян о древних божествах по пробуждении в христианстве начали путаться отнюдь не случайно. Низвергнутые боги или растворялись — Вихрь, Чур, Услава — в языке, или перевоплощались в славянской традиции почитания православных святых⁹.

Сейчас это различается только на уровне филологических разысканий или при погружении в стихию «народного» православия, но во времена Кукши граница между православным и языческим миром становилась порою настолько зыбкой, что нужно было обладать истинной святостью, чтобы удержаться на ней.

2

Путь Кукши в знакомый ему с детства языческий мир начался в Чернигове. Черниговский епископ Феокист до возведения на кафедру был игуменом Киевского Печерского монастыря и наверняка знал Кукшу.

Не рискнем утверждать, что это Феокист и вдохновил Кукшу на предстоящий подвиг, но предположение, будто владыка Феокист не был посвящен в суть затейного предприятия, выглядит совершенно нелепо.

Почти наверняка знали о намерениях Кукши и князья Олег Святославич Северский и его брат Давид Святославич Черниговский, в княжество которых и входили тогда вятские земли.

Отметим, что князь Олег Святославич Северский скончался 1 августа 1115 года...

Предчувствовал ли он приближающуюся кончину, неведомо, но так получилось, что торжественное перенесение святых мощей Бориса и Глеба, проходившее 2 мая 1115 года, а заодно и снаряжение Кукши на предстоящий апостольский подвиг в начале июня того же года, стали едва ли не последними свершениями князя, который всю жизнь, как выразился автор «Слова о полку Игореве», *мечем крамолу коваше*.

Обстоятельство это существенное и, видимо, сыгравшее в жизни Кукши чрезвычайно важную роль.

Ведь, отправляясь в начале лета 1115 года вверх по Десне, преподобный Кукша не знал и не мог знать, что уже скоро потеряют силу данные князем Олегом обещания и гарантии, и ему с его учеником Никоном останется надеяться только на Божию помощь...

3

Первым на пути Кукши оказался Дьбрянск¹⁰.

В самом названии города — дбрь, ров, поросший дремучим лесом — вместился пейзаж, где началась близ Чашина кургана первая евангельская проповедь Кукши на вятской земле.

Да, местное язычество отличалось развитостью и известным совершенством,

⁹ Исследователи (смотри, например, работу Б.А. Успенского «Филологические разыскания в области славянских древностей», издательство Московского университета, 1982) отмечали, что многие детали культа Велеса были перенесены на Николая-чудотворца, ставшего самым почитаемым на Руси святым, а культ почитания Перуна — на пророка Илию.

¹⁰ Нынешний Брянск.

оно улавливало тайные отблески высшего света, местные ведуны, бормоча магические заклинания, способны были определенным образом воздействовать на природные силы.

Преподобный Кукша объяснял, что еще сильнее воздействовала подобная магия на души самих людей, обрекая их на гибель, но его не слышали.

То, что исповедовали местные жрецы, было схоже с заглядыванием в закрытое помещение... Что-то мелькало, что-то мерещилось там, но зачем было подглядывать, бормоча магические слова, если можно было просто отворить дверь, чтобы ясный свет православия хлынул из нее, освящая самые дремучие уголки сознания.

Кукша и об этом говорил в своих проповедях, но оказалось, что свет этот не воспринимает привыкшие к языческому сумеркам глаза вятичей...

Карачев, Серенск, Лобынск...

Любопытно, что, как явствует из археологических раскопок, вятичи в верховьях Десны и Оки знали о христианстве задолго до прихода сюда Кукши. Но христианство не могло удержаться тут, и местные жители снова обращались к язычеству.

Об этом и думал преподобный Кукша, продвигаясь вглубь вятской земли.

Горели костры на берегах, а по воде плыли навстречу сплетенные цветочные венки.

Вятичи верили, будто в ночь летнего солнцеворота деревья переходят с места на место и разговаривают между собой шумом ветвей, а травы наполняются особой, чудодейственной силой, способной защитить человека не только от болезней, но от сглаза и порчи, от молнии и урагана, от змей и хищных зверей...

Живой памятью детства отзывались в душе Кукши эти предания, и только молитва защищала от бесовского помрачения.

4

Печерский Патерик, являющийся основным источником сведений о преподобном Кукше, не содержит подробностей того, как проходила его проповедь.

Но молчание это тоже несет определенную информационную нагрузку.

Опираясь на него, можно, например, определенно утверждать, что Кукша не занимался, как преподобный Авраамий Ростовский, сокрушением изваяний Велеса и разрушением языческих капищ. Если бы он делал это, наверняка об этом сохранились бы упоминания в его Житии. И храмов преподобный Кукша тоже, похоже, так и не успел создать на вятчской земле.

Существуют смутные предания, что он начал возводить вместе с Никоном скитский дом, должно быть, предполагая остановиться здесь на зимовку, но, похоже, что завершить это строительство не хватило времени.

Все силы преподобного были направлены на главное.

Преподобный Кукша понимал, что мало отпущено ему времени и чтобы успеть освободить сородичей из бесовского плена язычества, следовало продемонстрировать, что все силы языческого пантеона, которому поклонялись вятичи, ничто по сравнению с силой истинного Бога.

Да, сами вятичи не различали свет, на который указывал им преподобный Кукша, они не воспринимали смысла его поучений, но это не значит, что света этого не различали духи, которым поклонялись вятичи.

Схожим образом поступил святой Григорий Неокесарийский, который, попав в языческий храм, не стал опрокидывать статуй богов, а просто сотворил обычные свои песнопения и молитвы и, знаменовав крестным знамением воздух, оскверненный бесовскими жертвами, заставил бесов оставить это место.

Утром жрец храма не нашел там бесов.

— Не можем мы войти туда, где был в прошлую ночь странник, который шел из пустыни в Неокесарию, — издали вопили они.

Жрец побегал за Григорием, требуя от него объяснений, и тот сказал, что истинный Бог повелевает и бесами, и ему дал такую силу над ними, что они и против своей воли вынуждены повиноваться ему.

Жрец начал тогда умолять святого, чтобы он повелел языческим богам возвратиться в храм. Святой вырвал из своей книжки небольшой листок и написал на нем: «Григорий, сатане: войди».

Он отдал этот листок жрецу, чтобы тот положил его на своем алтаре.

И действительно, едва жрец поступил так, бесы возвратились в храм и стали беседовать с ним, как и раньше.

Так поступил и преподобный Кукша.

Силою своей молитвы он заставил бесов отойти от селений вятичей.

Когда это случилось, местные жрецы не сразу поняли, что произошло. Они просто перестали различать то, что так ясно различали, пока не пришел Кукша, они уже не могли делать то, что легко делали до появления преподобного.

А помощь языческих божеств — тем летом засуха пришла на вятскую землю! — была нужна жрецам, как никогда, но Стрибог, повелевавший ветрами, несущими тучи, не слышал их заклинаний.

И это было страшнее для местных ведунов, чем разрушение кумирен.

Кумирни легко можно было восстановить, но как вернуть ту силу, которая общалась им, когда они обращались с заклинаниями и заговорами к своим богам?

И тогда и спала пелена с глаз. Ясно увидели жрецы, что это Кукша своим колдовством навел глухоту на божеств, всегда исполнявших их просьбы... Поняли местные ведуны, что это из-за Кукши, из-за его разговоров о каком-то другом Боге разгневались старые боги, и теперь погибнет урожай, и беспощадный голод придет в дома вятичей.

И еще поняли жрецы, что отвечать за это придется им самим!

С них спросят вятичи и за голод, и за засуху, и за колдовство пришельцев.

Надобно было поскорее избавиться от них, но как сделать это, если охраняют их слова князя?

5

Наверное, известие о смерти князя Олега Святославича Северского, которое в начале августа достигло вятской земли, оказалось воспринято и жрецами, и старейшинами как знак свыше, подтверждающий, что им надобно делать с преподобным Кукшей.

Поэтому и суд над преподобным был задуман, чтобы все — и страдающие от засухи поселяне, и оскорбленные Кукшей языческие боги — порадовались наказанию его.

Но бесстрашно встал перед разгневанными язычниками на берегу заповедного озера преподобный Кукша.

Считается, что только в XVII веке сложился — «Кукша подобием: власы с ушей мало кудреват, брада доле Сергия Радонежскаго, ризы преподобнические и епитрахиль, в руках четки» — иконописный облик преподобного.

Но наверняка в основу этого канона были положены уже существовавшие тогда изображения, и вполне возможно, что таким — в ризах, в епитрахили — и стоял Кукша в тот августовский день на берегу заповедного озера перед разгневанными язычниками.

— Нет... — сказал он. — Я не колдун и не пользуюсь никакими заговорами, чтобы вызвать засуху. И если засуха пришла, то случилось это по воле истинного Бога, разгневавшегося на вас, упорствующих в своей слепоте и не желающих об-

рести Свет православной веры! И надо полагаться не на заклинания и заговоры, а надо принять Святое крещение и самим обратиться с молитвой к Богу...

И вот, вопреки расчетам жрецов и старейшин, сейчас слова преподобного Кукши достигли сердец поселян.

Одни из них искренне, другие потому, что понимали, что нет у них иной надежды — ведь местные ведуны истощили все заклинания и заговоры! — вызвать благодетельный дождь, поверили длиннородому пришельцу.

И приняли тогда вятичи в водах заповедного озера святое крещение *от блаженного черноризца... о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил...*

Великим торжеством обернулся затеянный жрецами суд над преподобным Кукшей, но многомудрые ведуны не мешали этому.

Теперь, когда совершилось крещение, к которому призывал Кукша, когда омыты были поселяне водами заповедного озера, должно было произойти разоблачение дерзкого пришельца.

Ведь теперь все, кто верил и кто не верил Кукше, ждали от него чуда.

И обмана ему не простили бы и те, кто искренне поверил его словам!

Теперь надо было, чтобы прошел обильный, побеждающий засуху дождь, а откуда взяться дождю, если ни облачка не видно в раскаленном небе?

Качали головами ведуны. Вздыхали согласно им старейшины. Не нужно было никаких приказов. Люди сами растерзают дерзкого пришельца, когда увидят, что он обманул их.

Преподобный Кукша тоже не знал, откуда взяться дождю.

Никогда еще не молился он о даровании дождя.

Даже когда мальчиком смотрел, как начался пожар в пекарне, и то, кажется, не молился о дожде. Во все глаза смотрел, как преподобный Спиридон, работавший на пекарне, завязавши рукава, набрал в свою рубаху воды в колодце, и тащит этот мешок с водой, чтобы залить разгоревшееся пламя...

Мы не знаем, как начиналась молитва преподобного Кукши, вставшего в ризах преподобнических и епитрахили на берегу заповедного озера.

Только отдельные слова — «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...» — и доносятся через столетия, но мы знаем, что молитва эта достигла престола Божия и, как свидетельствовал епископ Симон, в результате преподобный Кукша *и дождь с неба свел, и озеро — заповедное? — иссушил и много других чудес сотворил...*

6

После того, как заповедное озеро превратилось в облако, а облако излилось благодатным дождем на страждущие от засухи поля, уже не должно было остаться у Кукши врагов и недоброжелателей на вятской земле.

И даже посрамленные жрецы не посмели тронуть преподобного.

Посланцы их нашли Кукшу в лесу, недалеко от слияния Зуши и Мецны¹¹, где стоял недостроенный проповедниками скитской дом.

«...По многих муках усечен бысть с учеником своим», — рассказывает о Кукше епископ Симон.

Никто не знает доподлинно, что тогда произошло.

¹¹ Современные исследователи предположительно называют местом гибели Кукши и его ученика город Серенск на реке Серене, притоке Жиздры (нынешний Мещовский район Калужской области).

Однако, поскольку обезглавлены мученики были на утренней заре 27 августа, то получается, что мучениям их подвергли ночью, и, значит, сделано это было тайком.

Вероятно, убийцы пытались еще выведать тайну, секреты тех чудотворений, которые явил преподобный Кукша на берегу озера.

Что мог ответить преподобный своим мучителям?

Только одно.

Он посоветовал им покаяться и принять святое крещение, и тогда Бог, если обратиться к Нему, даст им то, что им необходимо.

«Кукша, крестя неверных, под венец даст главу», — гласит подпись под старинной гравюрой, изображающей обезглавленное тело страдальца.

А на том месте, где было совершенно злодейство, возник Страдальческий колодец, который не иссякает и по нынешний день.

«Всякий, кто пьет эту воду, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам, тот не будет жаждать вовек, — говорил Спаситель. — Потому что вода, которую Я дам, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».

Глухие были места, где совершилось убийство святых.

И, может быть, злодеям и удалось бы скрыть свое преступление, но разве скрошешь, когда уходит из земной жизни великие святые?

Тогда подвизался в Киево-Печерском монастыре блаженный Пимен Постник. За свои великие подвиги он был награжден от Бога великим даром исцелять недужных и предвидеть будущее и притом тайное.

Еще когда Кукша обретался в монастыре, предсказал Пимен свою кончину.

Но только 27 августа узнал он, что и Кукша уходит одновременно с ним.

Придя в церковь, Пимен громко произнес, обращаясь к инокам:

— Брат наш Кукша в сей день против света убиен есть!

И, сказав это, упал замертво.

«Умер в одно время с теми двумя святыми», — свидетельствует в «Киево-Печерском патерике» Симон.

Обезглавленное тело преподобного Кукши было доставлено в Киев, где и доныне святые мощи его почивают в нетлении в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры.

«Весна наречется, яко дева украшена красотю и добротою, сияюще чудно и преславне, яко дивитися всем зрящим доброты ея, любима бо и сладка всем...»

Лето же нарицается муж тих, богат и красен, питая многи человеки и смотря о своем дому, и любя дело прилежно, и без лености восстая заутра до вечера и делая без покоя.

Осень подобна жене уже старе и богате и многочадне, овогда дряхлюущи и сетующи, овогда же радующися и веселящися, рекше иногда (печальна от) скудости плод земных и глада человеком, а иногда весела суци, рекше ведрена и обильна плодом всем, и тиха и безмятежна...»

«Мученическую кровию, священне Кукше, / в проповеди Евангелия со учеником ти, блаженным Никоном, честне украсивыйся, / и Пимене, в постничестве светозарно просиявый, / в един день и час внидосте в свет незаходимый, / идеже молитесь Господеви, / да подаст нам велию милость».

Если мы примем 1115 год от Рождества Христова годом мученической кончины преподобного Кукши, то получается, что как раз в те месяцы, когда перевозили тело апостола вятчического в Киево-Печерский монастырь, и записывал Владимир Мономах заключительные слова своего «Поучения»:

«Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его, ибо меня, грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, но к любому делу человеческого способным.

Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя Бога со святыми его.

Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено.

А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого...

Премудрости наставник и смысла податель, неразумным учитель и нищим заступник! Утверди в разуме сердце мое, Владыка! Дай мне дар слова, Отче, устам моим не запрещай взывать к Тебе: милостивый, помилуй падшего!» «Упование мое — Бог, прибежище мое — Христос, покров мой — Дух Святой!» «Надежда и защита моя, не презри меня, благая! Тебя имею помощницей в печали, и в болезни, и во всех бедах, и тебя славлю, воспетая!» «Разумейте и узрите, что я Бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, опаляющий грехи, дающий суд сироте, и убогому, и нищему». «Преклонись, душа моя, и о делах своих помысли, содеянных тобою, глазами своими обзри их, и каплю испусти слез своих, и поведая открыто все дела свои и мысли Христу, и очистись». «Андрей честной, отче преблаженный, пастырь Критский! Не престань молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся все от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, чтущие память твою верно». Град свой сохрани, Дева, мать чистая, который царствует честно под твоим покровительством, пусть он тобой укрепляется и на тебя надеется, побеждает во всех битвах, сокрушает врагов и покоряет их. «О воспетая мать, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее приношение, защити нас от всякой напасти и от грядущей муки — к тебе зывающих. Молимся тебе, рабы твои, и преклоняем колена сердца нашего: склони ухо твое, чистая, и спаси нас, вечно в скорбях погруженных, и соблюди от всякого пленения вражеского твой город, Богородица! Пощади, Боже, наследие Твое, прегрешения наши все прости, видя, что мы молимся теперь тебе, на земле родившую тебя без семени, земную милость, изволением своим воплотивший, Христе, в человека». Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший родившую тебя нетленною до твоем рождении, когда воссядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как бог и человеколюбец! Дева пречистая, не искушенная браком, богом обрадованная, верующим наставление, спаси меня, погибающего и к сыну твоему вопиющего: «Помилуй меня, Господи, помилуй! Если хочешь судить, не осуждай меня на вечный огонь, но обличай меня яростью своею — молит тебя дева чистая, родившая тебя, Христе, и множество ангелов, и мучеников сонм».

Во имя Христа Иисуса, господя нашего, которому подобает честь и слава, отцу и сыну и святому духу, всегда и ныне и присно во веки!

Потщимся и мы, читая поучение великого русского князя, делать всякие добрые дела, славя Бога со святыми его, в числе которых будем помянуть и преподобного Кукшу...

Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет...